

- ¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же.
¹⁸ ГМЭ. РО. Личное дело И. К. Зеленова.
¹⁹ Отчет о деятельности Русского музея за 1910 г. СПб, Б. г. С. 59.
²⁰ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии АН за 1910 г. СПб, 1911. С. 19, 20, 23 // Отдельный оттиск из «Отчета о деятельности Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910 год».
²¹ Находки памятников бронзового века // Вятская речь. 1910. № 152. 18 июля. С. 3.
²² Анкета членов секции научных работников Рабпроса от 26 декабря 1932 г. // Семейный архив.
²³ Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по реке Вишере с Колвой. Пермь, 1911. Отд. II. С. 3—24; Отд. III. С. 3—115.
²⁴ Билет № 107 от 24 октября 1915 г. и экзаменационная книжка № 60 // Семейный архив.
²⁵ Анкета членов секции научных работников Рабпроса... П. II.
²⁶ См.: *Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А.* Каталог-указатель. (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР) // Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества. М., 1975. С. 186—286; *Крюкова Т. А.* Коллекции по этнографии и народному искусству чуваш в государственном Музее этнографии народов СССР // Уч. зап. Н-и ин-та при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 45. Искусствоведение. Чебоксары, 1969. С. 130. Г. А. Сепеев — автор книги «Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.)» (Йошкар-Ола, 1975) неоднократно ссылается на коллекции И. К. Зеленова.

© 1990 г.

Г. В. Цулая

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЛАВРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ КAVKAZA

В мае прошлого года исполнилось бы 80 лет со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, в апреле нынешнего — прошло 8 лет, как он скончался.

Л. И. Лавров родился в станице Медведковская на Кубани в семье потомков запорожских казаков, поселившихся на Северном Кавказе еще в конце правления Екатерины II. Вскоре после рождения Леонида Ивановича его родители переселились в станицу Пашковская, в которой он вырос и которую считал своей, так сказать, «малой» родиной, всю жизнь тянувшей его к себе.

Первые шаги в науке Л. И. Лавров начал подобно юным естествоиспытателям с наблюдения и любознательного внимания к окружающему его миру. Еще в ученические годы он написал первый доклад, посвященный истории и этнографии родной станицы Пашковская.

В 1926 г. Леонид Иванович закончил краснодарскую школу второй ступени, затем поступил в Кубанский педагогический институт, а в 1928 г. перевелся на этнографическое отделение Ленинградского университета. В 1931 г. в связи с призывом в армию учеба его прервалась на 5 лет. Однако в 1935 г. (еще будучи в армии) Леонид Иванович экстерном закончил Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики. В 1936 г. после демобилизации Леонид Иванович становится сотрудником Института этнографии АН СССР. В том же году в журнале «Советская этнография» публикуется первая его научная работа, материалы для которой им были собраны еще летом 1930 г.¹

Л. И. Лавров принадлежал к тому поколению русских кавказоведов, начало творческой деятельности которых совпало со временем, когда академическое кавказоведение (ему он впоследствии посвятил замечательный по своей обстоятельности очерк²) вступило в новую полосу своего развития.

В студенческие годы Леонида Ивановича Ленинград все еще оставался центром интеллектуальной жизни и генератором идей в области гуманитарных

наук в СССР. Вместе с тем на местах возникали национальные учебно-исследовательские учреждения и множились кадры. Это положительное явление, для ряда народов Кавказа ставшее эпохальным, оказалось и не без некоторых издержек. Оно уже изначально носило противоречивый характер: с одной стороны, шло не только возрождение еще недавно физически вымиравших народов, но и возобновление их этнических культур с созданием письменности у ранее бесписьменных народов. С другой стороны, эта новая письменная культура превращалась в средство распространения в массах ее носителей обязательных в то время догм — политических, культурных и т. д. В 20—30-е годы расширяются разработки кавказоведческих проблем. Известная школа армяно-грузинской филологии, основанная Н. Я. Марром еще в конце XIX в., в новых условиях стала тесной. Выход в свет в 1925 г. первого и единственного тома «Текстов и разысканий по кавказской филологии» практически оказался и последним в классической марровской школе кавказоведения. Наступил период гальванизации, но на новом академическом уровне старых национальных традиций в изучении культурного фонда местной цивилизации, Н. Я. Марр не без тревоги увидел в этом начало краха созданного им детища и упорно стал внушать своим ученикам, что «национальные традиции» вредны в гуманитарных науках как главный индикатор отсутствия знаний. Но эйфория, охватившая национальные кадры ученых после крушения старого режима, была слишком сильной, а общественная обстановка довольно обманчивой для того, чтобы делать какие-то прогнозы. И тем не менее деятели науки были еще старой закалкой, полученной в стенах Российской Академии наук и Петербургско-Петроградского университета. Основным нравственным критерием ученых была терпимость к чужому мнению, подкрепленная эрудицией.

Примерно в таких условиях в Ленинграде молодой Леонид Лавров окунается в кавказское землячество, которое в то время представляло хотя и стихийное, но значительно более монолитное и вместе с тем разностороннее образование, чем это мы видим сегодня, и о котором Леонид Иванович всю жизнь вспоминал с теплом. Многие из его кавказских коллег впоследствии стали известными учеными. Молодые люди вступали в тесный и дружеский контакт со своими старшими современниками, известными учеными и учителями. Леонид Иванович рассказывал мне, что ему и его товарищам ничего не стоило остановить на ступеньках Публичной библиотеки Марра, Генко, Щербу и тут же подолгу вести с ними беседы на специальные темы, получить библиографическую справку, поделиться своими планами, посоветоваться и т. д. Бескорыстное служение старых интеллигентов науке, видевших в ней самодовлеющую ценность, передавалось и молодым их преемникам. Леонид Иванович был одним из тех, кому посчастливилось на всю жизнь впитать в себя это качество. Поэтому сегодня мы имеем все основания поставить его в ряд ученых, особенно интенсивно способствовавших развитию классических традиций кавказоведения, этой, по справедливому замечанию М. О. Косвена, одной из значительных областей русской общественной мысли. Еще в начале века Н. Я. Марр писал, что у него в Западной Европе всего лишь один читатель (известный болландинист П. Пеетерс). Ученые, вышедшие из кавказского землячества в Ленинграде, в значительной степени благодаря своим качествам способствовали превращению истории и этнографии народов Кавказа в предмет научных исследований в мировом масштабе.

Ученый разносторонних знаний и интересов, Леонид Иванович оставил нам труды в самых различных областях истории, этнографии, этногенеза и этнической истории, палеографии, ономастики; им написаны обобщающие очерки по отдельным народам и т. д.³ Работа «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.» написана еще до войны, но опубликована лишь в конце 60-х годов. В авторском примечании к этой работе говорится о судьбе ее рукописи, которая пережила такую же драму, как и ее автор — храбрый офицер и героический защитник почти обреченного Ленинграда. Нужна была именно лавровская воля к жизни

и безупречное служение науке, чтобы восстановить утерянную рукопись и, полнив новейшими данными и выводами, сделать ее достоянием специалистов.

После демобилизации в результате двух ранений, которые давали знать о себе до конца, Леонид Иванович вновь вернулся к делу своей жизни. В 1946 г. он публикует первую послевоенную работу⁴. Сам этот факт свидетельствует о том, что автор лишь временно был отвлечен войной от занятий наукой. В статье дан образцовый анализ специальных материалов по источниковедению и этнической истории народов Западного Кавказа, она до сих пор не потеряла своего значения ни для собственно кавказоведов, ни для историков, изучающих русско-кавказские отношения.

Леонид Иванович не был специалистом в какой-нибудь одной области кавказоведения в смысле хронологическом или проблемном. От древности до современности, от этногенеза до современного быта сельского и городского населения Кавказа — вот временной диапазон и многообразие его научного наследия. Стоит ли специально подчеркивать, что ему были чужды дилетантизм и поверхностность в разработке любых проблем — общих или частных.

Как известно, со второй половины 40-х годов естественный ход этнокультурной эволюции на территории СССР, в том числе и на Кавказе, в значительной степени стал подвергаться той системе воздействия, которую лишь в последнее время отважились открыто называть командно-административной. Изучение закономерностей национального развития народов — больших и малых — чаще всего основывалось не на исторических реалиях, а проводилось путем всевозможных ухищрений по отношению к материальным источникам (письменным и иным), чтобы «определить» перспективу развития того или иного народа. В наспех и кустарно сколоченное прокрустово ложе втискивались племена и народы для их дальнейшего «сближения» с целью маловразумительного «слияния» в неопределенном, точнее, надуманном грядущем. К этим «актуальным» целям приспособлялись, соответственно искаженно, все периоды истории развития, жизни отдельных народов, вплоть до глубин их и без того туманного этногенеза. История даже древнейших периодов начинала не актуализироваться, а подчиняться вульгаризованной политике. Историческая наука превращалась в арену сражений, которая, к нашей беде, продолжается и сегодня.

Такая обстановка в кавказоведении не застала Л. И. Лаврова врасплох. С конца 40-х — начала 50-х годов вопросы этногенеза, которые занимали Леонида Ивановича еще в довоенное время, заняли особое место в его научных изысканиях. Правда, в этот же период продолжали трудиться такие историки, как И. А. Джавахишвили, Я. А. Манандян, С. Н. Джанашиа, С. Т. Еремян, З. В. Анчабадзе и др., но, решая судьбы народов Кавказа, руководствовались трудами не этих ученых (как, впрочем, происходит и сегодня).

Проблемы этногенеза на Кавказе всегда отличались остротой и трудностью исследования. Такими они остаются до сих пор. Даже вопросы происхождения армян и грузин, сравнительно с другими народами более оснащенные первоисточниками и имеющие давние исследовательские традиции, далеко не во всем решены. Но более всего споров, противоречивых суждений и взаимоисключающих гипотез вызывали вопросы этногенеза народов Северного Кавказа в целом. Этой проблематике Л. И. Лавров уделял внимание всю жизнь, ее решению он намеревался посвятить специальное исследование обобщающего характера. Им были осуществлены предварительные сборы материалов и проведены исследования. В 1954 г. Л. И. Лавров публикует статью «О происхождении народов Северо-Западного Кавказа»⁵. К этой же теме можно отнести и другую статью Л. И. Лаврова — «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории»⁶, в которой кроме собственно этногенеза кабардинцев освещены также и вопросы их этнической истории в средние века.

В этих работах Л. И. Лавров углубил существовавшие до него суждения о том, что в доскифский период Северо-Западный Кавказ имел оживленные сношения с соседними территориями, в частности с Крымом и Украиной. Статьи

были написаны в то время, когда вопросы топонимии и этнонимии Западного Кавказа дискутировались особенно усердно, но без серьезной теоретической подготовки. Даже наука о топонимии тогда фактически не существовала, о чем, между прочим, свидетельствует и терминология самого автора, как и такая категория, как автохтонность, для которой и сегодня нет окончательного определения. Тем не менее Л. И. Лавров довольно успешно использовал данные этнотопонимии. В итоге он сделал обобщение, которое заставляет пересмотреть этногенетическую теорию об исключительно южном происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Лавров писал об органической связи предков современных народов Северо-Западного Кавказа «не только с югом, но также и с западом и северо-западом». «Связь с Крымом и другими частями Причерноморья в доскифское время не могла явиться следствием одних только временных обстоятельств и поэтому выражалась не только меновыми или военными отношениями. Можно думать, что связь эта имела и более глубокие корни»⁷. Под «доскифским населением» Л. И. Лавров имел в виду киммерийцев. Он не сомневался в том, что они сыграли определенную роль на начальных этапах формирования предков современных народов Северо-Западного Кавказа, а также закавказского ответвления абхазо-адыгского этнического массива — древнеабхазских племен. Эта проблема и сегодня привлекает к себе внимание, но пока достигнутые результаты не учитываются и потому делаются высказывания, к научной гипотезе не имеющие отношения.

После возвращения незаконно депортированных во время войны балкарцев и карачаевцев на их исторические территории в кавказоведении остро стал вопрос об их этногенезе, имевший не одно лишь академическое значение.

Летом 1959 г. в Нальчике состоялась научная сессия, посвященная происхождению балкарского и карачаевского народов. Л. И. Лавров выступил с докладом, основанным на этнографических материалах. Однако в докладе были обильно использованы иные источники — нарративные, археологические, эпиграфические, фольклорные и др. Их сопоставление дало возможность докладчику констатировать, что карачаевцы, балкарцы, а также кумыки, т. е. основная масса тюркоязычных народов Северного Кавказа, являются потомками носителей половецкого языка, заселившими свою нынешнюю территорию в период монгольских завоеваний в XIII в. К этому следует добавить, что заселение предками балкарцев и карачаевцев высокогорий Кавказа под напором монгольской экспансии должно было быть значительно облегчено их непрерывными инфильтрациями вплоть до Закавказья еще до XIII в. Это тем более очевидно, что, по наблюдениям Л. И. Лаврова, предки балкарцев, карачаевцев, кумыков до их переселения в горы обитали сравнительно близко от северных склонов Кавказа. Переселение балкарцев и карачаевцев в высокогорные субрегионы Кавказа обусловило смешанный характер этих народов. Действительно, этнически смешанный тип тюркоязычных народов Центрального Кавказа появился в результате воздействия местного и не только собственно кавказского, но и гетерогенного на Кавказе аланского этноса.

Уже эта работа, очевидно, показала ее автору настоятельную необходимость введения в научный оборот иных, дополнительных материалов для решения вопросов исторической этнографии. Это и предопределило изучение им эпиграфических памятников Кавказа, историко-этнографическое и общекультурное значение которых никогда не вызывало сомнений ученых. Это старая тема, занимавшая не одно поколение исследователей еще со времен русского путешественника Ф. А. Котова, описавшего Дербенд в 1624 г. Вместе с тем о ее неразработанности даже в сравнительно недавнем прошлом свидетельствует тот факт, что кавказским эпиграфическим памятникам почти не уделено места в работах И. Ю. Крачковского по арабистике, хотя изучение арабской эпиграфики Кавказа было включено в числе актуальных задач в программу V Археологического съезда в Тифлисе еще в 1878 г.

После ряда предварительных археологических экспедиций (которые

Л. И. Лавров стал проводить еще с конца 40-х годов), исследований и публикаций памятников по местной эпиграфике на персидском, арабском и турецком языках⁸ в 60—70-х годах Л. И. Лавров издает фундаментальное исследование в этой области в трех томах в большой серии «Памятники письменности Востока»⁹. Значение этой работы трудно переоценить. В ней содержатся сведения, «которые беднее представлены в других письменных источниках: строительная деятельность, даты смерти исторических лиц, имена их предков, имена строителей и пр. Некоторые из надписей сообщают о важных политических событиях и видных деятелях, почему-либо не попавших на страницы других письменных документов, или дополняют последние. Сведения, сообщаемые на камнях, в целом оказываются более важными для истории, чем то, что можно почерпнуть из надписей на тканях, посуде и других бытовых предметах. В этом отношении надписи на камнях, несмотря на присущий им лаконизм, близки по своей научной значимости к старинным рукописям»¹⁰. «Они воскрешают не только язык и мысли прошлых поколений, но часто и факты политической, экономической, бытовой или идеологической структуры»¹¹; «содержат многие, зачастую очень важные сведения об экономической, политической, культурной и бытовой истории народов Северного Кавказа», их топонимии, этнонимии и т. д.¹²

Я помню обсуждение этого сочинения у нас в секторе народов Кавказа в 1964 г. Известный историк Е. Н. Кушева назвала тогда обсуждаемую работу Л. И. Лаврова научным подвигом ее автора; тогда же на обсуждении В. П. Кобычев с полным на то основанием заявил, что после известного труда В. В. Латышева — «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», вышедшего в конце прошлого столетия, такой работы практически не было.

Действительно, значение публикации Л. И. Лаврова выходит за пределы собственно кавказоведения. Кроме того, что в трехтомнике дан обстоятельный анализ публикуемых материалов (историко-этнографический, палеографический, историографический и пр.), они значительно расширяют наши представления об ареале арабского, персидского и турецкого языков и их культурном значении на Кавказе. Л. И. Лавров — один из тех немногочисленных ученых середины нашего столетия, которые приложили немало плодотворных усилий, чтобы ввести в мировое востоковедение материалы по истории мусульманской части населения нашей страны. Когда-то И. Ю. Крачковский призывал своих коллег-арабистов обратить специальное внимание на арабоязычную письменность народов Кавказа, имеющую свои традиции, и сам стимулировал первые шаги в этом направлении (достаточно сказать, что переведенные А. М. Барабановым, молодым человеком, погибшим при обороне Ленинграда, сочинения дагестанского историка ал-Карахи «Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи», были опубликованы по инициативе И. Ю. Крачковского). Труд Л. И. Лаврова оказался шире рамок, очерченных Крачковским, так как «Эпиграфические памятники» охватывают не только арабоязычную лапидарную литературу Кавказа, но и арабскую, персидскую, турецкую — весь ее мусульманский фонд¹³. В последнее время Леонид Иванович был занят подготовкой очередного — IV тома «Эпиграфических памятников». Сдать его в печать, к всеобщему нашему сожалению, автору не было суждено.

В 1978 г. Л. И. Лавров издал «Историко-этнографические очерки Кавказа»; в них собраны статьи по истории, этнографии, геральдике, литературоведению — вот неполный перечень тем книги. Это издание, как и все работы автора, уже давно стало библиографической редкостью.

Л. И. Лавров отличался редкой трудоспособностью в сочетании с безудержным трудолюбием. Достаточно сказать, что все рукописи своих работ, а это пять книг и более ста статей, он собственноручно перепечатывал. Он работал постоянно, до последнего дня. Незадолго до смерти он успел просмотреть сигнальный экземпляр своей монографии «Этнография Кавказа», в которой собраны и систематизированы, сведены воедино дневники и путевые записи, сделанные ученым во время экспедиций и поездок по Кавказу в течение почти всей жизни.

Этот подлинный кладезь исчезающих, а то и вовсе исчезнувших памятников различных времен сопровождается ценными аналитическими характеристиками.

Ярким свидетельством того, что научное наследие Л. И. Лаврова не теряет своего значения, являются его публикации последних лет. К их числу относятся такие работы, как «Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в.» (первая работа автора, посвященная этой теме, была опубликована еще в 1957 г.¹⁴), «Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа», опубликованные в двух последних томах «Кавказского этнографического сборника».

Тема стихийных бедствий на Кавказе и борьба с ними остается столь же актуальной, как, например, темы, связанные с геронтологией, экологией и т. п. Л. И. Лавров изучил свидетельства источников различных эпох и народов и сделал вывод, что всевозможные эпидемии и катастрофические тектонические движения на Северном Кавказе, «часто повторяясь, приносили населению края страдания и физическое истребление не в меньшей мере, чем иноземные нашествия и внутренние междоусобицы»¹⁵. К сожалению, автор не привел почти никаких сведений (как и не указал на причины их отсутствия) относительно народных приемов борьбы с описанными им стихийными бедствиями и повальными эпидемиями и эпизоотиями, если не считать одного предположения в связи с дагестанскими материалами VI—VIII вв. о наличии в качестве антисейсмических средств камышовых прослоек в каменных строениях¹⁶. Считаю, что это особая тема, к изучению которой этнографам и историкам следовало бы сегодня приступить вплотную. Л. И. Лавров, очевидно, поспешил, когда писал, что в отличие от фольклора народов Северного Кавказа «исторические источники почему-то обходят эту тему молчанием»¹⁷. Сама статья автора свидетельствует об обратном, так как написана она исключительно по письменным источникам. Названные работы — небольшие по объему, и это также одна из особенностей творческой манеры Л. И. Лаврова, столь соответствующая старинной заповеди: краткость и точность — основные качества историка.

В жизни Леонид Иванович был личностью яркой и колоритной. Он не был человеком апокрифически безукоризненным. С эпикурейским складом характера, он сочетал в себе достоинства и недостатки. Несколько угловатый, но всегда доброжелательный, лишенный каких-либо признаков зависти и тщеславия, этих «дьявольских пороков», он вместе с тем не был лишен искреннего честолюбия. Помню, как на мой риторический вопрос: «Как жизнь, Леонид Иванович?» — он ответил: «Жизнь хороша, но коротка. А как хочу работать, писать. Сколько планов!». В мире все относительно: Теодор Момзен написал свыше 1500 работ, а В. Р. Розен всего одну книгу и несколько десятков статей и рецензий, но ученые они равновеликие, оба классики. Все, что написал Л. И. Лавров, принадлежит золотому фонду науки, называемой кавказоведением.

Прожив 73 молодых года, Леонид Иванович завершил земную жизнь без всяких предсмертных мучений: спокойно заснув, он утром не проснулся, не успев воплотить массу замыслов, а нам, его друзьям и ученикам, оставил добрую память о себе и пока еще непочатую тему: «Л. И. Лавров и вопросы историко-этнографического изучения народов Кавказа».

Как-то А. П. Чехов в заметке на смерть Н. М. Пржевальского писал, что великий географ, «умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умиравшему Бог дал силы совершить еще один подвиг — подавить в себе чувство тоски по родной земле». Леонид Иванович совершил не меньший в этом смысле подвиг, завещав перенести свой прах из города, давшего ему вторую жизнь, и упокоить его рядом со своей матерью — на родной земле, в станице Пашковская.

- ¹ Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Сов. этнография (далее — СЭ). 1936. № 4—5.
- ² Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сб. (далее — КЭС). Т. VI. М., 1976; ср.: Гадло А. В. Л. И. Лавров и советское кавказоведение // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1983. Л., 1983. С. 3.
- ³ Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952; *его же*. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. Т. III. М.; Л., 1962; *его же*. Абазинцы // КЭС. Т. I. М., 1955; *его же*. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. Т. IV. М., 1969.
- ⁴ Лавров Л. И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946. № 4.
- ⁵ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сб. статей по истории Кабарды. Т. III. Нальчик, 1954.
- ⁶ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. № 1.
- ⁷ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. С. 198.
- ⁸ Лавров Л. И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов // Сб. МАЭ. Т. XVI, М.; Л., 1953; *его же*. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // Там же. Т. XVII, М.; Л., 1957; М.; Л., 1958; Т. XIX. М.; Л., 1960; *его же*. Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // Там же. Т. XX. М.; Л., 1961; *его же*. Археологические разведки в верховьях р. Самур // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959; *его же*. Надписи мавзолея Борга-каш // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. V. Вып. I. Грозный, 1964, и др.
- ⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X—XVII вв. М., 1966; Ч. II. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; Ч. III. Надписи X—XX вв. Новые находки. М., 1980.
- ¹⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 15.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. II. С. 11; Ч. III. С. 15 сл.
- ¹³ Работа Л. И. Лаврова получила высокую оценку специалистов, приведем лишь некоторые рецензии: Шихсаидов А., Атаев Д. Ценная книга // Дагестанская правда. 1966; № 305; Хашаев Х.-М., Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I // СЭ. 1968. № 1; Шихсаидов А., Османов М. Надписи рассказывают // Советский Дагестан. 1968. № 2; Певзнер С. Б. Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I, 2. М., 1966 и 1968 // Эпиграфика Востока. XXI. Л., 1972.
- ¹⁴ Лавров Л. И. Землетрясение 1667 г. в Дагестане // Изв. АН СССР. Сер. геофиз. 1957. № 8.
- ¹⁵ Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. // КЭС. Т. VIII. М., 1984; *его же*. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // КЭС. Т. IX. М., 1989.
- ¹⁶ Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе. С. 69.
- ¹⁷ Там же. С. 65—66.